

Дом Плеханова

№ 993

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Мэ
Ф 36

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Фридрих Энгельс.

Людвиг Фейербах.

С приложениями:

I. К. Маркс о французском материализме XVIII ст.

II. К. Маркс о Фейербахе.

Предисловіе и примѣчанія

Г. В. Плеханова.

Цена 5 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Всероссийскаго Центрального Исполнительнаго
Комитета Совѣтов Р., С., К. и К. Депутатов.

МОСКВА—1918.

Дом Плеханова

№ 803

Оглавленіе.

	стр.
Предисловіе переводчика	3
Предисловіе автора	26
Людвиг Фейербах	28
Приложеніе I. Карл Маркс о французском матеріа- лизмѣ XVIII-го столѣтія	76
Приложеніе II. Карл Маркс о Фейербахѣ	85
Примѣчанія пореводчика	89

Предисловіе переводчика.

Уже давно мнѣ приходилось указывать на то, что торжествующая реакція облекается у нас, между прочим, в философскій костюм, и что для борьбы с этой реакціей русским марксистам неизбежно придется заниматься философіей. Это мое предвидѣніе вполнѣ подтвердилось послѣдующими событіями. Русским марксистам пришлось взяться за философію. Но так как они взялись за нее очень поздно и, по народному выраженію, *не дружно*, то и результаты получились не особенно отрадныя. Подчас приходилось почти сожалѣть о том, что нашим товарищам попадались в руки философскія книги. Сожалѣть—потому, что они не умѣли критически отнестись к изучаемым ими авторам и кончали тѣм, что сами подчинялись их вліянію. А так как современная философія не только у нас, но и на Западѣ стоит под знаком реакціи, то в революціонныя головы попадало реакціонное содержаніе, и начиналась величайшая путаница, которая иногда получала громкое имя *критики Маркса*, а иногда носила болѣе скромное названіе *соединенія марксизма* с философскими взглядами того или другого идеолога буржуазіи (неокантианцев, Маха, Авенаріуса и др.). Что *марксизм* можно соединить с чѣм угодно, даже со *спиритизмом*, это не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію: весь вопрос в том, *как* можно это сдѣлать. А на этот вопрос всякій мало-мальски толковый человѣкъ не может отвѣтить иначе, как указаніем на *эклектизм*. С помощью эклектизма можно «соединить» все, что угодно, со всѣм, что в голову взбредет. Но эклектизм никогда не приводил ни к чему хорошему ни в теоріи, ни на практикѣ. Фихте говорит: «философствовать—значит не дѣйствовать; дѣйствовать—значит

не философствовать», и это совершенно справедливо. Однако, не менее справедливо и то, что только последовательно мыслящий человек способен быть последовательным в своей деятельности. А для нас, претендующих на честь быть представителями самого революционного класса, какой выступал когда-либо на историческую сцену, последовательность обязательна под страхом измѣны своему собственному дѣлу.

Чѣм обуславливается это стремление соединять Маркса то с тѣм, то с другим из идеологов буржуазии?

Во-первых. — *модой*.

Некрасов говорит об одном из своих героев:

«Что ему книжка послѣдняя скажет,

То на душѣ его сверху и ляжет.»

Такие герои существуют всегда, пробираются во всѣ лагеря. Встрѣчаются они, к сожалѣнію, и в нашем.

У нас на них был урожай во второй половинѣ девятидесятых годов, когда для многих наших «интеллигентов» сам марксизм явился «послѣдней книжкой», ложившейся «сверху на душу». Такие «интеллигенты» были как бы нарочно изготовлены исторіей для того, чтобы взяться за «соединение» марксизма с другими «послѣдними книжками». Их не жалко: это пустой народ.

Но досадно, что и болѣе серьезные товарищи нерѣдко чувствуют охоту к «соединенію». Тут дѣло об'ясняется уже не увлеченіем молодой. И тут явление, очень вредное и печальное само по себѣ, обнаруживает присутствие похвальных побужденій.

Вообразите, что у даннаго товарища есть потребность выработать себѣ стройное міросозерцаніе; этот товарищ усвоил себѣ болѣе или менее хорошо философско-историческую сторону ученія Маркса, но собственно философская сторона этого ученія осталась для него непонятной и недоступной. Поэтому он рѣшает, что у Маркса эта сторона осталась «неразработанной», и принимается сам «разрабатывать» ее. А когда он принимается за это очень не легкое дѣло, ему подвергается какой-нибудь представитель буржуазнаго «критицизма», вносящий хоть нѣкоторый, хоть кажущійся порядок туда,

гдѣ до сих пор существовало, повидимому, только царство хаоса, и очень легко покоряет своему влиянію любознательнаго, но недостаточно подготовленнаго и недостаточно самостоятельнаго искателя философской истины. Вот вам и готов «соединитель»! Намѣренія у него были хорошія, а результат получился скверный.

Нѣтъ, что бы там ни говорили наши противники, а это неоспоримо: стремленіе къ «соединенію» теорій Маркса с другими теоріями, — которыя, по нѣмецкому выраженію, быют ее по лицу, — обнаруживает стремленіе къ выработкѣ стройнаго созерцанія, но онѣ обнаруживают также *слабость мысли, неспособность строго и последовательно держаться одного основнаго принципа*. Иначе сказать, — тут обнаруживается неспособность понять Маркса.

Как помочь этому горю? Я не вижу другого средства, кромѣ распространенія правильнаго взгляда на философію Маркса-Энгельса. А в этом смыслъ предлагаемая брошюра может, как я думаю, слѣлать очень много.

Мнѣ самому не раз приходилось слышать вопрос: почему нельзя соединить историческій матеріализм с трансцендентальным идеализмом Канта, с эмпирио-критицизмом Авенариуса, с философіей Маха и проч.? Я всегда отвѣчал на это почти в тѣх же выраженіях, в которых отвѣчаю теперь. Что касается Канта, то мое примѣчаніе (см. стр. 115—117) показывает полную невозможность «соединить» философское ученіе Канта с теоріей развитія. Так же мало соединимы с ней и взгляды Маха и Авенариуса, представляющіе собою новѣйшую разновидность философіи Юма. Если последовательно держаться этих взглядов, то придеши къ *солипсизму*, т.-е. къ отрицанію существованія всѣх людей, кромѣ самого себя. Не думайте, читатель, что это шутка. Хотя Мах энергично протестует против отождествленія его философіи с субъективным идеализмом Берклея *), но этим доказывается лишь его непоследовательность. Если тѣла или вещи представляют собою только мысленные символы наших ощущеній (точнѣе, групп, комплексов ощущеній), и если онѣ не существуют внѣ нашего сознанія, — а именно такова мысль Маха, — то от субъективнаго идеализма и от солипсизма можно отдѣлываться лишь посредством во-

*) Die Analyse der Empfindungen, vierte Auflage, S.S. 232—233.

пьющей непоследовательности. И не даром один из учеников Маха, Г. Корнелиус, в своей книгѣ «*Einleitung in die Philosophie*» (München, 1903) подошел вплотную к солипсизму. Он (стр. 322) признает, что наука не может разрѣшить для человѣка в положительном или отрицательном смыслѣ вопрос о том, существует ли какая-нибудь психическая жизнь, кромѣ его собственной. Это неоспоримо с точки зрѣнія махизма, но если существованіе чуждой мнѣ психической жизни остается для меня сомнительным, если,—как мы видѣли,—тѣла вообще суть только символы ощущеній, то остается помириться с солипсизмом, чего не рѣшается, однако, сдѣлать Корнелиус.

Надо замѣтить, что Мах считает Г. Корнелиуса не своим учеником, а учеником Авенариуса. Это неудивительно потому, что между взглядами Маха, с одной стороны, и Авенариуса—с другой, очень много общаго, как это признает, впрочем, сам Мах *). Для философии Авенариуса, как и для философии Маха, вопрос о том, что Фихте называет *множественностью индивидуумов*, есть главное затрудненіе, с которым она не может справиться иначе, как или признав истину матеріализма, или уперившись в тупой переулочек солипсизма. Это должно быть очевидно для всякаго мыслящаго человѣка, который даст себѣ труд прочесть, напримѣр, вышедшее в русском переводѣ сочиненіе Авенариуса: «*Человѣческое понятіе о мирѣ*» **).

Само собою понятно, что солипсизм может быть «соединен» с каким-нибудь (не только с матеріалистическим) взглядом на исторію развѣ только послѣдователем Поприщина.

Современное ученіе о развитіи,—частью котораго является наше объясненіе исторіи,—находит себѣ прочное обоснованіе *только* в матеріализмѣ, и неудивительно поэтому, что основатели научнаго социализма, как выразился Энгельс (см. стр. 61 предлагаемой бро-

*) Смотри у него в вышепозванной книгѣ главу: *Mein Verhältniss zu R. Avenarius und anderen Forschern*, S. 38.

**) Один нѣмецкій писатель замѣчает, что для эмпирио-критицизма *отыт* есть только предмет изслѣдованія, а вовсе не средство познанія. Если это так, то противопоставленіе эмпирио-критицизма матеріализму лишается смысла, и разсужденія на тему о том, что эмпирио-критицизм призван смѣнить собою матеріализм, оказываются совершенно пустыми и праздными.

шюры), *не шутили с матеріализмом*, послѣдовательно прилагая его в тѣх отраслях знанія, которыя до них были самой надежной твердыней идеализма.

И замѣтите, что с матеріализмом тѣсно связан не только *научный* социализм. *Утопическій* социализм, любившій кокетничать с идеализмом и даже с религіей, тоже должен быть признан его законным сыном, как это очень хорошо видно из перваго приложенія к этой брошюрѣ («Карл Маркс о французском матеріализмѣ XVIII столѣтія»).

«Картезіанскій матеріализм»,—говорит Маркс,—«превратился в *естествознаніе*, собственно так называемое. Другое направленіе французскаго матеріализма впадает прямо в *социализм* и *коммунизм*. Не надо большого ума, чтобы понять необходимую связь, существующую между ученіями французскаго матеріализма о природной склонности к добру и о равенствѣ умственных способностей всѣх людей, о всемогуществѣ опыта, привычки, воспитанія, о вліяніи на человѣка вѣнших обстоятельств, о высоком значеніи промышленности, о нравственной правомѣрности наслажденія и т. д.—с коммунизмом и социализмом. Если человѣкъ черпает всѣ свои ощущенія, знанія и т. д. из вѣншаго міра, то надо, стало быть, так устроить окружающій его мір, чтобы человѣкъ получал из этого міра достойныя его впечатлѣнія, чтобы он привыкал к истинно человѣческим отношеніям, чтобы он чувствовал себя человѣком. Если правильно понятый личный интерес есть основа всякой нравственности, то надо, стало быть, позаботиться о том, чтобы интересы отдѣльнаго человѣка совпадали с интересами человѣчества. Если человѣкъ не свободен в матеріалистическом смыслѣ этого слова, т. е. если его свобода заключается не в отрицательной способности избѣгать тѣх или других поступков, а в положительной возможности проявленія своих личных свойств, то надо, стало быть, не карать отдѣльных лиц за их преступленія, а уничтожить противообщественные источники преступленій и дать в обществѣ свободное мѣсто для дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка. Если человѣчскій характер создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сдѣлать эти обстоятельства достойными человѣка. Если природа предназначила человѣка к общественной жизни, то, стало быть, только в обществѣ обнаружи-

зает он свою истинную природу. Силу его природы надо изучать не на отдельных личностях, а на целом обществѣ. Эти и подобные этим положенія почти дословно встрѣчаются даже у самых старых французских материалистов.»

Далѣе Маркс очень ясно обнаруживает кровное родство с материализмом различных утопических школ Франціи и Англіи.

На все это не обращают никакого вниманія люди, стремящіеся «соединить» марксизм с тѣми или другими разновидностями болѣе или менѣе послѣдовательнаго идеализма. И это жаль, тѣм болѣе жаль, что в самом же дѣлѣ «не надо большого ума», чтобы понять всестороннѣйшую несостоятельность всѣх этих соединительных попыток.

Но как надо понимать материализм? Об этом очень много спорят до настоящаго времени. Энгельс говорит на стр. 41—42 предлагаемой брошюры: «Возвышеннѣйшій вопрос всей философіи, вопрос об отношеніи мышленія к бытію, коренится, стало быть, совершенно так же, как и всѣ религіи, в ограниченных и невѣжественных представленіях дикаря. Но он мог быть рѣзко поставлен и пріобрѣсти все свое значеніе лишь послѣ того, как европейское человѣчество пробудилось от долгой зимней спячки христіанских средних вѣков. Уже в средневѣковой схоластикѣ игравшій большую роль вопрос о том, как относится мышленіе к бытію, что чему предшествует: дух природѣ, или природа духу, этот вопрос, на зло церкви, принялъ болѣе рѣзкій вид вопроса о том, создан ли мір Богом, или он существует от вѣка?»

«Философы раздѣлились на два больших лагеря сообразно тому, как отвѣчали они на этот вопрос. Тѣ, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, слѣдовательно, так или иначе признавали сотвореніе міра.—а у философов, напримѣр, у Гегеля, сотвореніе міра принимает еще болѣе нелѣпый и запутанный вид, чѣм у правовѣрных христіан,—составили идеалистическій лагерь. Тѣ же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма.

«Ничего другого и не заключают в себѣ выраженія: идеализм и материализм, взятые в их первоначальном смыслѣ. И только в этом смыслѣ они здѣсь и употребляются. Ниче мы увидим, какая

путаница выходит в тѣх случаях, когда им приписывается какое-либо другое значеніе».

Итак, важнѣйшая отличительная черта материализма состоит в том, что он устраняет *дуализм духа и матеріи. Бога и природы* и считает природу основой тѣх явленій, для объясненія которых еще первобытныя охотничьи племена апеллировали к дѣятельности предметных *душ, духов*. Противникам материализма, имѣющим о нем по большей части самое нелѣпое представленіе, кажется, что Энгельс неправильно опредѣляя сущность материализма, что на самом дѣлѣ материализм сводит *психическія явленія к матеріальным*. Вот почему они были крайне удивлены, когда я в спорѣ с г. Бернштейном отнес Спинозу к числу материалистов. Но для доказательства правильности даннаго Энгельсом опредѣленія материализма достаточно привести нѣсколько выписок из сочиненій материалистов XVIII вѣка.

«Не будем выходить за предѣлы природы (*demeurons dans la nature*), когда мы захотим дать себѣ отчет в явленіях природы»,—говорит автор извѣстнаго сочиненія: «*Le bon sens puisé dans la nature*» (Гольбах).—«откажемся от исканія таких причин, которыя слишком тонки для того, чтобы дѣйствовать на наши внѣшнія чувства *), и будем держаться того убѣжденія, что, выходя за предѣлы природы, мы никогда не рѣшим задач, которыя ставятся перед нами природой**).

Совершенно в том же смыслѣ высказывается Гольбах в другом, болѣе извѣстном своем сочиненіи: «*Système de la nature*», котораго я не цитирую именно потому, что оно болѣе извѣстно. Ограничусь простым указаніем того, что мѣсто, относящееся к интересующему нас вопросу, находится в шестой главѣ второго тома этого сочиненія (стр. 146 лондонскаго изданія 1781 г.).

Гельвецій стоит на той же точкѣ зрѣнія. «Человѣкъ»,—говорит он,—«есть созданіе природы; он находится в природѣ; он подчинен ея законам; он не может от нея освободиться; он не может, хотя бы в мыслях своих, выйти за ея предѣлы... Для существа, созданнаго

*) Надо замѣтить, что Гольбах называет матеріей все то, что дѣйствует на наши внѣшнія чувства.

**) Я цитирую по парижскому изданію «перваго года республики».

природой, не существует ничего по ту сторону великаго цѣлаго, часть котораго он собою представляет... Существа, стоящіе будто бы выше природы и отличныя от нея, являются простыми химерами» и т. д. *).

Были, правда, матеріалисты, признававшіе существованіе Бога и смотрѣвшіе на природу, как на его твореніе. Таким был, напримѣр, Джозеф Пристлей **). Но это вѣрованіе было у знаменитаго естествоиспытателя простым теологическим привѣском к его матеріалистическому ученію, основным положеніем котораго служит та мысль, что человѣкъ есть созданіе природы, и что «тѣлесныя и духовныя свойства человѣка коренятся в одной и той же субстанціи, растут, зрѣют и убывают вмѣстѣ с ней» ***). Этой субстанціей является *матерія*, как Пристлей повторяет не раз в этом и в других своих сочиненіях ****).

Фейербах справедливо говорит, что та субстанція, которую Спиноза теологически называет богом, при ближайшем разсмотрѣніи (*bei Lichte besehen*) оказывается природой *****). Это так же вѣрно, как и другое замѣчаніе Фейербаха: «тайна, истинный смысл философіи Спинозы есть природа» *****). Именно потому Спиноза, несмотря на теологическую оболочку его основной философской идеи, должен быть отнесен к матеріалистам. Это прекрасно понял еще Дидро, который, — как это видно из его статьи: «Spinosisme» в XV томѣ Энциклопедіи, — считал себя и своих единомышленников новѣйшими спинозистами (*spinosistes modernes*). Если критики Маркса испустили единодушный крикъ удивленія, когда я в спорѣ с Бернштейном выразил ту мысль, что матеріализм Маркса и Энгельса был родом спинозизма (*eine Art Spinozismus*), то это объясняется

*) *Le vrai sens du système de la nature. Chap. I. De la nature.*

**) См. его «Disquisitions relating Matter and Spirit» в первом томѣ бирмингемскаго изданія его сочиненій (1782 года). Там Бог объявляется нашим творцом (*our Maker*, p. 139), все во всем (p. 143) и т. д.

***) *Ibid.*, p. 69.

****) «Matter being capable, of the property of sensation or thought» (*The History of the philosophical doctrine concerning the origine of the soul*, в первом томѣ того же изданія его сочиненій, p. 400).

*****) *Werke*, IV Band, S. 380.

*****) Там же, 391.

единственно их изумительным невѣжеством *). Чтобы сдѣлать себѣ эту мысль болѣе доступною, надо вспомнить, во-первых, что Маркс и Энгельс прошли через философію Фейербаха, и во-вторых, постараться выяснитъ себѣ, чѣм же собственно отличается философія этого послѣдняго от философіи Спинозы. Кто умѣет понимать прочитанное, тот скоро увидит, что по своему основному взгляду на отношеніе бытія к мышленію Фейербах есть Спиноза, переставшій величать природу Богом и прошедшій школу Гегеля.

Пойдемъ дальше. Если, как мы видѣли выше, Пристлей учил, что матерія имѣетъ свойство *ощущать* и *думать*, то уже из этого видно, что *матеріализм вовсе не пытается свести все психическія явленія к движенію матеріи*, как это говорят за него его противники **). Для матеріалиста ощущеніе и мысль, сознаніе, есть внутреннее состояніе движущейся матеріи. Но никто из матеріалистов, оставивших замѣтный слѣд в исторіи философской мысли, не «сводил» сознанія к *движенію* и не *объяснял* одного другим. Если матеріалисты утверждали, что для объясненія психических явленій нѣтъ надобности придумывать особую субстанцію—душу; если они утверждали, что матерія способна «ощущать и мыслить», то эта способность матеріи им казалась таким же основным, а потому и необъяснимымъ свойством, как и движеніе. Так, напримѣр, Ламеттри, ученіе котораго изображается обыкновенно, как самая грубая разновидность матеріализма, категорически говорил, что считает движеніе таким же «чудом природы», как и сознаніе ***). При этом различные матеріалисты различно смотрѣли на эту способность матеріи обладать сознаніем. Одни, —напримѣр, Пристлей и, повидимому, Гольбах, не высказывавшійся, однако, вполне рѣшительно, —полагали, что сознаніе возникает в движущейся матеріи лишь в тѣх случаях, когда она организована извѣстным образом. Другіе—Спиноза, Ламеттри,

*) Меня спрашивали, возражая мнѣ, что значит: «род спинозизма». На это легко отвѣтить: у Маркса и Энгельса, — как уже и у Дидро, — спинозизм был освобожден от его теологической внѣшности. Только и всего.

**) См., напримѣр, Лассвица: *Die Lehre Kant's von der Idealität des Raumes und der Zeit*, Berlin, 1833, S. 9.

***) *Oeuvres philosophiques de Monsieur de la Mettrie*, Amsterdam. MDCCCLXIV, tome premier, p. 67 et 73.

Дидро—думали, что матерія всегда обладает сознанием, хотя только при известной ей организации сознание достигает сколько-нибудь значительной степени интенсивности. Теперь этого послѣдняго взгляда держится, как известно, знаменитый Геккель. Что касается общаго вопроса о том, способна ли матерія «мыслить», то едва ли хоть один добросовѣстный естествоиспытатель затруднится отвѣтить на него отрицательно. «Конечно, в наше время»,—говорит агностик Гекслей в своей книгѣ об Юмѣ,—«всѣ тѣ, которые находятся на высотѣ этого вопроса, не усумнятся в том, что основы психологii заключаются в физиологii нервной системы» *). Это именно то, что говорят матеріалисты, и Энгельс совершенно прав, говоря в предлагаемой брошюрѣ, что агностицизм есть лишь застѣнчивый матеріализм. Современная психо-физиологiя насквозь пропитана духом матеріализма. Правда, нѣкоторые психо-физиологи отговариваются от матеріалистических выводов посредством ученiя о *параллелизмѣ* психических и физических явленiй. Но в данном случаѣ констатированiе параллелизма, несомнѣнно, является лишь средством открытiя причинной связи между явленiями, как это раз'яснил еще Александр Бен **).

Теперь обратим вниманiе на другую сторону дѣла. Философiя Маркса и Энгельса—не только *материалистическая* философiя. Она есть *диалектический* матеріализм. А против этого ученiя возражают, говоря, во-первых, что диалектика сама по себѣ не выдерживает критики, и во-вторых, что именно матеріализм-то несовмѣстим с диалектикой. Остановимся на этих возраженiях.

Читатель помнит, вѣроятно, как г. Бернштейн об'яснял вредным влиянiем диалектики то, что он называл ошибками Маркса и Энгельса. Обычная логика держится формулы: «да—да и нѣтъ—нѣтъ», а диалектика превращает эту формулу в ея прямую противоположность: «да—нѣтъ и нѣтъ—да». Недолюбливая этой послѣдней «формулы», г. Бернштейн утверждал, что она способна ввести человѣка в самыя опасныя логическiя искушенiя и заблужденiя. И с ним, вѣроятно, соглашалось

*) См. стр. 181 французскаго перевода этой книги.

**) «Душа и тѣло», перевод съ 6-го англiйскаго изданiя, Киев, 1884 года, стр. 24—25.

огромное большинство так называемых образованных читателей, потому что формула: «да—нѣтъ и нѣтъ—да», повидимому, рѣзко противорѣчит основным и неизбѣжным законам мышленiя. Вот эту-то сторону дѣла нам и надо рассмотреть здѣсь.

«Основных законов мышленiя» считается три: 1) закон тождества; 2) закон противорѣчiя; 3) закон исключеннаго третьяго.

Закон тождества (*principium identitatis*) гласит: А есть А (*omne subjectum est predicatum sui*) или, иначе, $A = A$.

Закон противорѣчiя.—А не есть non-А,—представляет собою лишь отрицательную форму перваго закона.

По закону исключеннаго третьяго (*principium exclusi tertii*), два противоположныя сужденiя, исключаяющiя одно другое, не могут быть оба ошибочны. В самом дѣлѣ, А есть или В, или non-В; вѣрность одного из этих сужденiй непремѣнно означает ошибочность другого и наоборот. Середины тут нѣтъ и быть не может.

Ибервег замѣчает, что закон противорѣчiя и закон исключеннаго третьяго могут быть об'единены в слѣдующем логическом правилѣ: *на каждый вполне опредѣленный—и понимаемый именно в этом опредѣленном смыслѣ—вопрос о принадлежности данному предмету даннаго свойства надо отвѣчать или—да, или—нѣтъ и нельзя отвѣтить: и да, и нѣтъ **).

Трудно возразить что-нибудь против вѣрности этого правила. А если оно вѣрно, то формула «да—нѣтъ и нѣтъ—да» кажется совершенно несостоятельной, и нам остается лишь смѣяться над нею, по примѣру г-на Бернштейна, да разводить руками по поводу вопроса о том, каким образом такiе несомнѣнно глубокие мыслители, как Гераклит, Гегель и Маркс, могли находить ее болѣе удовлетворительной, чѣм формула: «да—да и нѣтъ—нѣтъ», прочно основывающаяся на вышеуказанных основных законах мышленiя.

Этот роковой для диалектики вывод кажется неотразимым. Но прежде, чѣм принять его, взглянем на дѣло съ другой стороны.

Основу всѣх явленiй природы составляет движенiе матерiи **).

*) System der Logik, Bonn, S. 219.

**) Я говорю об *объективной* сторонѣ явленiй. «Une volition est, pour le cerveau, un mouvement d'un certain système de fibres. Dans l'âme c'est

Но что такое движение? Это есть очевидное противорѣчіе. Если вас спросят: находится ли движущееся тѣло в данное время в данном мѣстѣ, то вы при самом искреннем желаніи не в состояніи будете отвѣтить согласно правилу Ибервега, т.-е. по формулѣ: «да—да и нѣтъ—нѣтъ». Движущееся тѣло *находится* в данном мѣстѣ и *в то же время не находится в нем* *). О нем нельзя судить иначе, как по формулѣ: «да—нѣтъ, нѣтъ—да». Оно является, стало быть, непрееркаемым свидѣтельством в пользу «логики противорѣчія», и кто не хочет помириться с этой логикой, тот должен об'явить, вмѣстѣ со старым Зеноном, что движение есть не болѣе, как обман чувств. Этого, повидимому, не понимает наш соотечественник г. Н. Г., тоже весьма рѣшительный, но, к сожалѣнію, не весьма серьезный враг діалектики. Он говорит: Если движущееся тѣло *всѣми* своими частями «находится в одном мѣстѣ, то его одновременное пребываніе в другом мѣстѣ представляет собою несомнѣнное возникновеніе из ничего, ибо откуда же ему попасть в другое мѣсто? Из перваго? Но вѣдь тѣло еще не оставило своего прежняго мѣста». А если, продолжает он, допустить, что тѣло *не всѣми* своими частями находится в данный момент в данном мѣстѣ, то вѣдь и в покоѣ различныя части тѣла занимают различныя мѣста в пространствѣ**). Очень хорошо, хотя и очень старо. Однако, что же доказывают доводы г. Н. Г.? Они *доказывают, что движение невозможно*. Прекрасно, мы и тут спорить не станем, но мы попросим г. Н. Г. вспомнить то замѣчаніе Аристотеля,—каждый день неизмѣнно оправдываемое естествознаніем,—что, отрицая дви-

ce qu'elle éprouve en consequence du mouvement des fibres»... (Robinet. De la Nature, t. I, ch. XXII, partie IV). Ср. Фейербаха: «Was für mich oder subjectiv ein rein geistiger Act., ist an sich oder objectiv ein materieller, sinnlicher». Werke, II, 350.

*) Это вынуждены признать даже самые рѣшительные противники діалектическаго метода. «Die Bewegung,—говорит А. Тренделенбург,—die vermöge ihres Begriffs an demselben Punkte zugleich ist und nicht ist» etc. (Logische Untersuchungen. Leipzig, 1870, I, 189). Почти излишне дѣлать здѣсь уже сдѣланное Ибервегом замѣчаніе о том, что Тренделенбургу слѣдовало сказать «*движущееся тѣло*», а не «*движеніе*».

**) «Материализм и діалектическая логика», «Русское Богатство», июль 1898 года, стр. 94 и 96.

женіе, мы сразу дѣлаем невозможным всякое изученіе природы *). Этого ли хотѣл г. Н. Г.? Этого ли хотѣла редакція «толстаго журнала», напечатавшая его глубокомысленное произведеніе? А если ни он, ни она не рѣшались отрицать движение, то им надо же было понять, что разогрѣтая «апорія» Зенона не оставляла им другого выхода, кромѣ как признать движение противорѣчіем в дѣйствиі, т.-е. кромѣ признанія именно того, что хотѣл опровергнуть г. Н. Г. Ну, «критики»!

Всѣх же тѣх, кто не отрицает движенія, мы спросим: что думать нам о том «*основном законѣ*» мышленія, который противорѣчит основному факту бытія? Не слѣдует ли нам относиться к нему... с нѣкоторой осмотрительностью?

Выходит как будто, что мы неожиданно очутились перед альтернативой: или признавать «основныя законы» формальной логики и отрицать движеніе, или, наоборот, признавать движеніе и отрицать эти законы. Такая альтернатива, по меньшей мѣрѣ, непріятна. Посмотрим же, нельзя ли как-нибудь обойти ее.

Движеніе матеріи лежит в основѣ всѣх явленій природы. Движеніе есть противорѣчіе. О нем необходимо судить діалектически, т.-е. как сказал бы г. Бернштейн, по формулѣ: «да—нѣтъ и нѣтъ—да». Поэтому мы должны признать, что, пока рѣчь идет у нас об этой основѣ всѣх явленій, мы находимся в области «логики противорѣчія». Но молекулы движущейся матеріи, соединяясь однѣ с другими, образуют извѣстныя *сочетанія*.—вещи, предметы. Такія сочетанія отличаются болѣею или меньшею прочностью, существуют болѣе или менѣе продолжительное время, а затѣм исчезают, замѣняясь другими: вѣчно одно движеніе матеріи, да сама она, неразрушимая субстанція. Но раз возникло, в результатѣ вѣчнаго движенія, извѣстное временное сочетаніе матеріи и пока не исчезло оно в результатѣ того же движенія,—вопрос об его существованіи необходимо рѣшается в положительном смыслѣ. Поэтому, если нам укажут на планету Венеру и спросят, существует ли эта планета, то мы, не колеблясь, отвѣтим: *да*. А если нас спросят, существуют ли вѣдьмы, то мы столь же рѣшительно отвѣтим: *нѣтъ*. Что же это значит? Это

*) «Метафизика», I, VII, 59.

значит, что когда речь идет об отдельных предметах, то в суждениях о них мы обязаны следовать вышеприведенному правилу Ибервега и вообще руководствоваться «основными законами» мышления. В этой области царствует любезная г. Бернштейну «формула»: *да—да и нѣтъ—нѣтъ* *).

Впрочем, и здѣсь власть этой почтенной формулы не безгранична. На вопрос о существованіи *уже возникшаго* предмета надо отвѣчать опредѣлительно. Но если предмет *только еще возникает*, то иногда с полным основанием можно колебаться в отвѣтѣ. Когда у человѣка половина головы обнажена от волос, то мы говорим: у него большая лысына. Но подите, опредѣлите, когда собственно выпаденіе волос приводит к образованию лысыны.

На каждый опредѣленный вопрос о принадлежности данному предмету данного свойства надо отвѣчать *или да, или нѣтъ*. Это не подлежит сомнѣнію. Но как прикажете отвѣчать в том случаѣ, когда предмет *измѣняется*, когда он *уже утрачивает* данное свойство или *пока еще, только приобретает* его? Само собою разумѣется, что опредѣленный отвѣтъ обязателен и в этом случаѣ; но в том-то и дѣло, что опредѣленным будет здѣсь только отвѣтъ, построенный по формулѣ: *да—нѣтъ, нѣтъ—да*, а по рекомендуемой Ибервегом формулѣ: *или да, или нѣтъ* на него отвѣчать невозможно.

Конечно, можно возразить, что *утрачиваемое* свойство *еще* не перестало существовать, а *приобрѣтаемое*—уже существует, и что поэтому опредѣленный отвѣтъ по формулѣ: *или да, или нѣтъ* возможен и обязателен даже и тогда, когда предмет, о котором идет рѣчь, находится *въ состояніи измѣненія*. Однако, это не вѣрно. Юноша, на подбородкѣ котораго начинает пробиваться «пушок», несомнѣнно

*) Той же формулѣ должны подчиняться и указываемыя Ибервегом (Logik, 196) историческія сужденія в родѣ того, родился ли Платон в 427, или 428, или 429 и т. д. году до Р. Х. Тут инѣ вспоминается забавный отвѣтъ одного молодого русскаго революціонера, пріѣхавшаго в Женеву, если не ошибаюсь, в 1882 г. и вынужденнаго дать полиціи нѣкоторыя свѣдѣнія о своей личности.—«Гдѣ вы родились?».—«В разных губерніях».—уклончиво отвѣтил черезчур осторожный «контрспиратор». Устранявшій это дѣло, теперь уже покойный, Н. И. Жуковскій выплилъ, воскликнув: «Этому, батюшка, никто не повѣритъ». И, конечно, в этом случаѣ с ним согласился бы самый рьяный сторонник диалектическаго метода.

уже *приобрѣтает* бороду, но это *еще* не дает нам права называть его бородатым. Пушок на подбородкѣ—не борода, хотя он и *превращается в бороду*. Чтобы стать *качественным*, измѣненіе должно достигнуть известнаго *количественнаго предѣла*. Кто забывает об этом, тот именно лишается возможности высказывать *опредѣленные* сужденія о свойствах предметов.

«Все течет, все измѣняется», говорит древній эфесскій мыслитель. Сочетанія, называемыя нами предметами, находятся в состояніи постоянного—болѣе или менѣе быстро—*измѣненія*. Поскольку данныя сочетанія остаются *данными сочетаніями*, мы обязаны судить о них по формулѣ: *да—да и нѣтъ—нѣтъ*. А поскольку они *измѣняются и перестают существовать*, как таковыя, мы обязаны апеллировать к *логикѣ противорѣчій*; мы должны говорить,—рискуя навлечь неудовольствіе г.г. Бернштейнов, Н. Г. и прочей метафизической братіи:—*и да, и нѣтъ; и существуют, и не существуют*.

Как покой есть частный случай движенія, так и мышленіе по правилам формальной логики (согласно «основным законам» мысли) есть частный случай диалектическаго мышленія.

О Кратилѣ, одном из учеников Платона, рассказывали, что он не соглашался даже с Гераклитом, говорившим: «мы не можем спуститься два раза по одной и той же рѣкѣ». Кратил утверждал, что мы не можем сдѣлать это даже и один раз: пока мы спускаемся, рѣка измѣняется, становится *другой*. В таких сужденіях элемент *наличнаго бытія* как бы отмѣняется элементом *становленія* *). Это—злоупотребленіе диалектикой, а не правильное примѣненіе диалектическаго метода. Гегель замѣчает: «Das Etwas ist die erste Negation der Negation» (нѣчто есть первое отрицаніе отрицанія **).

Тѣ из наших критиков, которые не окончательно лишены знакомства с философскою литературой, любят ссылаться на *Тренделенбурга*, который будто-бы наголову разбил всѣ доводы в пользу диалектики. Но эти господа, как видно, плохо читали—если читали—Тренделенбурга. Они позабыли,—если она была известна им, в чем

*) Я держусь здѣсь терминологіи, принятой г. Н. Лосским в его переводѣ книги Кунда Фишера о Гегелѣ: *Das Sein—наличное бытіе; Werden—становленіе*.

**) Werke, III, S. 114.

я отнюдь не увѣрен, — слѣдующую бездѣлицу. Тренделенбург признает, что *principium contradictionis* приложим не к движению, а только к тѣм предметам, которые им создаются *). И это вѣрно. Но движение не только создает предметы. Оно, как мы сказали, постоянно изменяет их. И именно поэтому логика движения («логика противорѣчій») никогда не утрачивает своих прав над созданными движением предметами. И именно потому мы, отдавая должную дань «основным законам» формальной логики, должны помнить, что они имѣют значеніе лишь в извѣстных предѣлах, лишь в той мѣрѣ, в какой они не мѣшают нам отдавать должное также и диалектикѣ. Вот как оно выходит на самом дѣлѣ по Тренделенбургу, хотя сам он и не сдѣлал надлежащих логических выводов из высказаннаго им — чрезвычайно важнаго для научной теоріи познанія — принципа.

Прибавим здѣсь мимоходом, что в «Logischen Untersuchungen» Тренделенбурга разсыпано много очень дѣльных замѣчаній, говорящих не против нас, а в нашу пользу. Это может показаться странным; но это весьма просто объясняется тѣм весьма простым обстоятельством, что Тренделенбург воевал собственно с идеалистической диалектикой. Вот, напримѣр, он видит недостаток диалектики в том, что она утверждает самопроизвольное движеніе чистой мысли, являющееся в то же время самозарожденіем бытія (*behauptet eine Selbstbewegung des reinen Gedankens, die zugleich die Selbsterzeugung des Seins ist* **). Это, в самом дѣлѣ, очень большая ошибка. Но кто же не понимает, что этот недостаток свойственен именно только идеалистической диалектикѣ? Кто не знает, что когда Маркс захотѣл поставить диалектику «на ноги», он начал с исправленія этой ея коренной ошибки, вызванной ея старой идеалистической основой? Другой примѣр. Тренделенбург говорит, что на самом дѣлѣ у Гегеля движеніе есть фундамент той логики, которая для своего обоснованія не нуждается будто бы ни в каких предположеніях ***). Это опять совершенно вѣрно; но вѣдь это опять довод в пользу материалистической диалектики. Третій и самый интересный примѣр. По словам

*) Logische Untersuchungen, dritte Auflage, Leipzig, 1870, B. II, S. 175.

**) Ibid., I, 36.

***) Ibid., I, 42.

Тренделенбурга, напрасно думают, будто у Гегеля природа есть только прикладная логика. Как раз наоборот. Гегелева логика вовсе не есть пороженіе чистой мысли; она создана предварительным абстрагированіем от природы (*eine anticipirte Abstraction der Natur*). В диалектикѣ Гегеля почти все взято из опыта, и если бы опыт отнялъ у нея то, что она у него заимствовала, то ей пришлось бы надѣть нищенскую суму *). Это так, именно так! Но вѣдь это — то самое, что говорили ученики Гегеля, возставшіе против идеализма своего учителя и перешедшіе в материалистическій лагерь.

Можно было бы привести еще много подобных примѣров, но это отвлекло бы меня от моего предмета. Я хотѣл только показать нашим критикам, что на Тренделенбурга им в борьбѣ с нами, пожалуй, лучше было бы совсѣм не ссылаться.

Пойдем дальше. Я сказал, что движеніе есть противорѣчіе в дѣйстви, и что, поэтому, к нему непримѣнимы «основные законы» формальной логики. Чтобы это положеніе не подало повода к недоразумѣніям, необходимо оговориться. Когда мы стоим перед вопросом о переходѣ одного вида движенія в другой, — скажем, механическаго движенія в теплоту, — нам тоже приходится разсуждать согласно основному правилу Ибервега. Этот вид движенія есть или теплота, или механическое движеніе, или и т. д. Это ясно. Но если это так, то основные законы формальной логики в извѣстных предѣлах примѣнимы также и к движению. А отсюда еще раз слѣдует, что диалектика не отмѣняет формальной логики, а только лишает ея законы приписываемаго им метафизиками абсолютнаго значенія.

Если читатель внимательно отнесся к тому, что сказано выше, то он без труда поймет, как мало «цѣнности» имѣет та часто повторяемая теперь мысль, что диалектика несогласима с материализмом **). Напротив. В основѣ нашей диалектики лежит материалистическое пониманіе природы. Она на нем держится; она пала бы, если бы суждено было пасть материализму. И наоборот. Без диалектики

*) Ibid., I, 78 и 79.

**) «Нам кажется, что материализм и диалектическая логика, — говорит глубокомысленный г. Н. Г., — суть элементы, которые в философском отношеніи могут считаться несовмѣстимыми». («Р. Б.», июнь, стр. 50).

неполна, односторонняя,—скажем больше: *невозможна материалистическая теория познания*.

У Гегеля *диалектика* совпадает с *метафизикой*. У нас *диалектика* опирается на *учение о природе*.

У Гегеля демиургом действительности,—чтобы употребить здесь это выражение Маркса,—была *абсолютная идея*. Для нас абсолютная идея есть лишь *абстракция движения*, которым вызываются все сочетания и состояния материи.

У Гегеля мышление движется вперед вследствие обнаружения и разрешения *противоречий*, заключающихся в *понятиях*. Согласно нашему—*материалистическому*—учению, противоречия, заключающиеся в *понятиях*, представляют собою лишь отражения, *перевод на язык мысли*, тех противоречий, которые заключаются в *явлениях*, благодаря противоречивой природе их общей основы, т. е. *движения*.

У Гегеля ход вещей определяется ходом идей. У нас ход *идей* определяется ходом *вещей*, *ход мысли—ходом жизни*.

Материализм ставит диалектику «на поги» и тем самым снимает с нея то мистическое покрывало, которым она была окутана у Гегеля. Но тем же самым он обнаруживает *революционный характер* диалектики.

«В своей мистифицированной форме,—говорит Маркс,—диалектика сдѣлалась немецкой модой, потому что она, казалось, оправдывала существующий порядок вещей. В ее рациональном виде она ненавистна буржуазии и ее теоретическим вожакам, потому что в положительное понимание существующего она включает также понимание его отрицания и его неизбежного падения; потому что она рассматривает всякую сложившуюся (точнее,—ставшую: *gewordene*. Г. П.) форму в процесс движения, т. е., стало быть, также и с ее преходящей стороны; потому что она ни перед чем не склоняется, будучи критической и революционной по своему существу» *).

Что материалистическая диалектика ненавистна буржуазии, пропитанной духом реакции, это в порядке вещей; но что от нея отвергаются иногда даже люди, искренно сочувствующие революцион-

* См. предисловие ко второму немецкому изданию 1-го тома «Капитала».

ному социализму, это очень темнито и крайне грустно: это—Геркулесовы столбы неистинности.

После всего сказанного мною я, кажется, могу ограничиться презрительным пожатием плечами по поводу изумительной выдумки г-на Н. Г., приписавшего нам принцип «*двойственной организации ума*», принцип, составляющий будто бы «предпосылку, которая одна только и может сдѣлать нашу диалектическую логику хоть несколько правдоподобной» *). Нечего сказать, попали пальцем в небо, наш неправдоподобный критик!

Теперь надо обратить внимание еще вот на что. Мы уже знаем, что прав был—и в какой мѣрѣ был прав—Ибервег, требовавший от логически мыслящих людей определенных отгѣтов на определенные вопросы о принадлежности данному предмету данного свойства. Но вообразите, что мы имѣем дѣло не с *простым*, а со *сложным* предметом, объединяющим в себя прямо-противоположные свойства. Приложимо ли требование Ибервега к суждениям о таком предметѣ? Нѣтъ, сам Ибервег,—столь же рѣшительный противник гегелевской диалектики, как и Тренделенбург,—находит, что тут надо рассуждать уже согласно другому правилу, а именно, согласно правилу *сочетания противоположностей* (*principium concidentiae oppositorum*). Но огромнѣйшее большинство тех явлений, с которыми имѣет дѣло естествознание и общественная наука, принадлежат к числу «предметов» именно этого рода: в самом простом комочкѣ протоплазмы, в жизни самого неразвитого общества объединяются прямо-противоположные явления. Стало быть, в естествознании и в общественной наукѣ необходимо отвести широкое мѣсто диалектическому методу. И с тех пор, как ему было отведено такое мѣсто в названных науках, онѣ сдѣлали поистинѣ колоссальные успѣхи.

Хотите ли, читатель, знать, как завоевала диалектика свои права в биологii? Припомните споры о том, что такое *вид*, вызванные по-

* Ibid., июнь, стр. 64. Парменид в своей полемикѣ с учениками Гераклита назвал их *двуголовыми философами*, которым вещи представляются одновременно в двойном видѣ: как существующія и как не существующія. Г-н Н. Г. выдает теперь за философское положеніе то, что у Парменида было ѣдкой полемической выходкой. Какой, «с Божьей помощью», прогресс в понимании «первых вопросов» философіи!

явленіем теоріи трансформизма. Дарвин и его сторонники держались того мнѣнія, что различные виды одного и того же рода животных или растений являются не чѣм иным, как разнообразно развившимися потомками одной и той же первоначальной формы. Кроме того, согласно учению о развитіи, всѣ роды одного и того же порядка тоже проходят от одной общей формы, и то же самое нужно сказать обо всѣх порядках одного и того же класса. По противоположному взгляду противников Дарвина всѣ животные и растительные виды совершенно независимы один от другого, а от одной общей формы происходят только индивидуумы, принадлежащіе к одному и тому же виду. То же понятіе о видѣ выражал уже Линней, говоря: «видов существует столько, сколько их первоначально создало Высшее Существо». Это—чисто метафизическій взгляд, потому что метафизик рассматривает вещи и понятія, как отдѣльные, неизмѣнные, застывшіе раз навсегда, данные предметы, подлежащіе изслѣдованію один послѣ другого и один независимо от другого (Энгельс). А диалектик рассматривает вещи и понятія,—по словам того же Энгельса,—«в их взаимной связи, в их сѣпленіи, в их движеніи, в их возникновеніи и уничтоженіи». И этот взгляд проник в біологію со времени Дарвина и навсегда останется в ней, какія бы поправки ни вошло в теорію трансформизма дальнѣйшее развитіе науки.

Чтобы повѣсть важное значеніе диалектики в *соціологіи*, достаточно вспомнить, каким образом *соціализм из утопіи превратился в науку*.

Соціалисты-утописты стояли на отвлеченной точкѣ зрѣнія человеческой природы и судили об общественных явленіях по формулѣ: «да—да и нѣтъ—нѣтъ». Собственность *или* соответствует человеческой природѣ, *или* не соответствует ей; моногамическая семья *или* соответствует, *или* не соответствует этой природѣ и так далѣе, и так далѣе. Так как природа человека предполагалась неизмѣнной, то соціалисты имѣли право ожидать, что между многими *возможными* системами общественного устройства есть такая, которая соответствует названной природѣ *болѣе*, чѣм *всѣ другія*. Отсюда—стремленіе найти эту *наилучшую*,—т. е. наиболѣе соответствующую человеческой природѣ,—*систему*. Каждый основатель школы *думал*, что он *нашел такую систему*; каждый основатель школы предлагал

свою утопію. Маркс внес в соціализм диалектический метод и тѣм сдѣлал его *наукой*, нанесъ смертельный удар *утопизму*. У Маркса уже нѣтъ апелліаціи к человеческой природѣ; он не знает таких общественных учреждений, которыя *или* соответствуют, *или* не соответствуют ей. Уже в «*Нищетахъ Философіи*» мы встрѣчаем слѣдующій знаменательный и характерный упрек Прудону: «Г. Прудон не знает, что вся исторія есть не болѣе, как постоянное измѣненіе человеческой природы»). В «*Капиталѣ*» Маркс говорит, что человекъ, дѣйствуя на вѣншній міръ и видоизмѣняя его, измѣняетъ тѣм самым и свою собственную природу **).

Это—диалектическая точка зрѣнія, проливающая совсѣм новый свѣтъ на вопросы общественной жизни. Возьмемъ хоть вопрос о частной собственности. Утописты очень много писали и спорили между собою и с экономистами по вопросу о том, должна ли она существовать, т. е. соответствует ли она человеческой природѣ. Маркс поставил этот вопрос на конкретную почву. По его учению, *формы собственности и имущественныя отношенія определяются развитіемъ производительныхъ силъ*. Одной ступени развитія этихъ силъ соответствует одна форма; другой—другая, а *абсолютнаго рѣшенія* тут нѣтъ и не можетъ быть, потому что все течетъ, все измѣняется: «мудрость становится безуміемъ, блаженство—мукой».

Гегель говорил: «противорѣчіе ведетъ впередъ». И этому его диалектическому взгляду наука находитъ блестящее подтвержденіе в *борьбѣ классовъ*,—забывая о которой, нельзя ничего понять в развитіи соціальной и духовной жизни общества, раздѣливагося на *классы*.

Но почему «логика противорѣчій».—представляющая собою, как мы видѣли, отраженіе в человеческомъ умѣ вѣчнаго процесса движенія,—называется *диалектикой*? Чтобы не входить в пространныя разсужденія на этот счетъ, я даю слово Куно Фишеру:

«Человѣческую жизнь можно сравнить с диалогомъ в том отношеніи, что с возрастомъ и жизненнымъ опытомъ наши взгляды на людей и вещи постепенно преобразовываются, какъ мнѣнія разговаривающихъ лицъ в теченіе плодотворной и богатой идеями бесѣды. В этомъ

*) Misère de la philosophie, nouvelle édition. Paris, 1896, p. 204.

**) Das Kapital, III Auflage. S. S. 155—156.

непроизвольном и необходимом преобразованіи наших взглядов на жизнь и міръ и состоит опыт... Поэтому Гегель, сравнивая ход развитія сознанія с ходом философской бесѣды, называет его словом: *диалектика* или диалектическое движеніе. Это выраженіе примѣняли уже Платон, Аристотель и Кант в важном и различном у каждаго из них смыслѣ; но ни в одной системѣ оно не получило такого обширнаго значенія, как у Гегеля*).

Многіе не понимают также, почему взгляды, подобные, напримѣр, взгляду Линнея на животные и растительные виды, называются *метафизическими*. Кажется, как будто слова: *метафизика*, *метафизическій*—означают нѣчто совсѣм другое. Постараемся разяснить и это.

Что такое *метафизика*? Каков ея предмет?

Ея предметом служит так называемое *безусловное* (абсолютное). А какова главная, отличительная черта *безусловнаго*? *Неизмѣнность*. Оно и неудивительно: *безусловное* не зависит от обстоятельств (*условій*) времени и мѣста, видоизмѣняющихся доступные нам конечные предметы; поэтому оно и не измѣняется. А какова главная отличительная черта тѣх понятій, с которыми оперировали и оперируют люди, называемые на языкѣ диалектики метафизиками? Отличительная черта этих понятій тоже заключается в *неизмѣнности*, как это мы видѣли на примѣрѣ Линнеева ученія о видѣ. Эти понятія по-своему тоже *безусловны*. Значит, их природа тождественна с природой понятія о *безусловном*, составляющем предмет метафизики. Поэтому Гегель и назвал *метафизическими* всѣ тѣ понятія, которыя вырабатываются (по его терминологіи) *разсудком*, т.-е. которыя принимаются за неизмѣнныя и отдѣляныя одно от другого непреходимою пропастью. Покойный Ник. Михайловскій думал, что Энгельс был первым писателем, употреблявшим термины «*метафизическій*», «*диалектическій*» в извѣстном нам теперь смыслѣ. Но это не вѣрно! Начало такой терминологіи положено еще Гегелем**).

Мнѣ скажут, пожалуй, что у Гегеля была своя метафизика. Я не отрицаю: была. Но его *метафизика* сливается с *диалектикой*, а

*) «Гегель, его жизнь и сочиненія», полнотом первый, перевод Н. О. Лоскаго, Спб., стр. 308.

**) Ср. 31 § перваго тома его большой энциклопедіи.

и диалектикѣ нѣтъ ничего неизмѣннаго; в ней все движется, все измѣняется.

Когда я садился писать это предисловіе, я намѣревался остановиться на той рецензій, которую г. Бердяев посвятилъ в «*Вопросахъ Жизни*» Анти-Дюрингу Энгельса, недавно вышедшему в русском переводѣ. Теперь я вижу, что мнѣ невозможно исполнить это намѣреніе по недостатку мѣста. Я не очень сожалѣю об этом. Рецензія г-на Бердяева убѣдит только тѣх читателей, которые уже были убѣждены, и которых поэтому не нужно было убѣждать. А сами по себѣ мнѣнія г. Бердяева вниманія не заслуживают. Сипноза говорит о Бэконѣ, что тот *не доказывает* своих мнѣній, а *только описывает* их. То же можно было бы сказать и о г. Бердяевѣ, если бы его способ изложенія своих мыслей не характеризовался еще лучше словом: *декретирует*. Но когда описывает или хотя бы декретирует свои взгляды такой мыслитель, как Бэкон, то в его декретах и описаніях встрѣчается чрезвычайно много цѣннаго. А когда декретировать принимается такая путаная голова, как голова г. Бердяева, то из этого рѣшительно ничего поучительнаго не выходит.

Впрочем, нѣтъ. Из декретов г. Бердяева видно, в чем заключается, с точки зрѣнія практическаго разума, главный недостаток міросозерцанія Энгельса. Он состоит в том, что оно мѣшает превращенію *соціальной демократіи в буржуазную*. А это очень интересно. И мы так и запишем.

Г. Пастанов.

Shexbres s. Vevey. 4 іюля 1903 г.